

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФОТО АНДРЕЙ ЧУНТОМОВ

Ночные концерты — неременная часть фестивальной программы и особой фестивальной ауры. На рассвете под куполом Пермской художественной галереи пермяки слушали звуки волн Мартено, на которых играла француженка Сесиль Лартиго

композитором Владимиром Мартыновым и его ансамблем Opus Posth, вдруг прорезывается легендарный «Чан-чан» — главная песня кубинского Buena Vista Social Club. И это — слёзы. Слёзы Старика, слёзы его народа — и благодарные зрительские слёзы.

Вне времени

Оперу Моцарта «Идомоней» в концертном исполнении под управлением Теодора Курентзиса многие считают кульминацией и вершиной нынешнего Дягилевского фестиваля. Это событие показало со всей очевидностью и убедительностью: время не существует. Когда и где всё это происходит? В гомеровской Греции? В моцартовской Вене? В провинциальной российской Перми XXI века? Или в космосе, где ни времени, ни пространства — есть лишь гармония? Курентзис и его музыканты играли так, как будто для них фактор времени абсолютно несущественен. Уже четыре часа прошло? Правда? А играют так, как будто свеженькие и отдохнувшие только что вышли на сцену и хотят поиграть подольше, потому что это в радость.

В версии Дягилевского фестиваля «Идомоней» превратился в красивую концертную сюиту, где каждая ария, каждая сцена, каждая оркестровая интерлюдия (их много) — отдельный номер программы, но при этом всё складывается в единый сюжет. Сюжет этот, конечно, не имеет никакого отношения к древнегреческой мифологии. Все эти ревности-страсти, гнев богов, мучительные жертвы — не более чем условность. На самом деле речь идёт о приключениях голосов, которые находят в сложных отношениях друг с другом, о большом путешествии музыки, проходящей сквозь фантастические испытания и несущей в себе заряд неистребимой красоты.

В этом музыкальном сюжете множество неожиданных поворотов и смелых решений. Глас Нептуна (любимый пермяками бас Виктор Шаповалов) раздаётся откуда-то сверху и издали (зрители вертят головами, пытаются определить, где находится певец), хор приобретает собственную роль и активнее участвует в действии, а дирижёр становится управляющим центром Вселенной.

Самое же любопытное — это подбор и сочетание голосов, феерический набор певческих индивидуальностей. В этом смысле опера непроста: три ведущие партии исполняют сопрано. Очень трудно подобрать три голоса одного регистра, чтобы они различались

по звучанию и красиво сочетались, но у Курентзиса это получилось блестяще.

Три сопрано — Идамант, Илия и Электра — различаются и по тембру, и по эмоциональной окраске. Как сказали бы англичане, stole the show итальянское сопрано Элеонора Буратто в партии Электры, поразившая публику цельностью образа: и внешне, и по эмоциональной насыщенности она — настоящая античная героиня. Илия — китайка Йинь Фан — её полная противоположность: почти бесплотная, с холодноватыми нотками и сдержанной интонацией. Мари-Клод Шапюи в роли Идаманта смотрелась несколько забавно в мужском костюме на два размера больше, чем следовало бы, и в этом был свой шарм: она как будто говорила, что её мужская роль — просто условность, суть не в этом, а в том, как она отлично звучит — и соло, и в ансамбле.

Особенную радость пермякам доставил тенор Сергей Годин — Идомоней. На протяжении последнего сезона публика внимательно приглядывалась и прислушивалась к новому солисту оперной труппы Пермского театра оперы и балета. Он оказался настоящим моцартовским певцом, в голосе которого сквозь барочную приглушённость вдруг прорываются романтические нотки, а попадание в tessitura настолько точное, что аж страшно — это же идеал!

Финал оперы-концерта, когда на протяжении 35 минут оркестр играл, хотя действие уже завершилось, стал особым торжеством: одна и та же тема в этом фрагменте (в оригинале это музыка для балета) повторяется четыре раза, и каждый раз оркестр играл её абсолютно точно и в то же время как-то иначе.

«Роковая» симфония, «несчастливый» 13-й номер фестиваля, чёрный квадрат на его логотипе... Некоторые эмоциональные зрители воспринимают сочетание этих знаков как дурное предзнаменование. Когда на церемонии открытия фестиваля на сцену вышел губернатор Максим Решетников, из зала раздались отчётливый крик: «Не дайте Курентзису уехать!» — и бурные аплодисменты в поддержку этого высказывания. Губернатор, обаятельно улыбаясь, сказал, что зрители опередили его собственную мысль, и пообещал сделать всё возможное.

Тем не менее ощущение некоторой тревоги остаётся. Но даже эти волнения не мешают наслаждаться фестивальными событиями.

Обо всём, что происходит на фестивале, рассказывает наш специальный дневник на сайте newsko.ru.

СОБЕСЕДНИК

Маттиас Хёфс:
Фестиваль —
это приключение

Юлия Баталина

Трубач Маттиас Хёфс среди музыкантов оркестра MusicAeterna известен как «Профессор»: он преподавал музыкантам оркестра, работающим в секции медных духовых инструментов. Хёфс принял участие в двух фестивальных проектах: он дал совместный концерт с органистом Кристианом Шмиттом и выступил в составе фестивального брасс-ансамбля.

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

— В Перми есть популярный Международный органнй фестиваль, который проходит в формате «орган плюс»: каждый концерт — это ансамбль органа с каким-то инструментом или, например, с вокалом... Ваш концерт с Кристианом Шмиттом — представитель того же формата. Комбинировать органную музыку с чем-то ещё — это мировая мода?

— Я из Германии, и не просто из Германии, а из Гамбурга. У нас в Северной Германии много старинных церквей, замечательных органов времён барокко, и ансамбли различных инструментов с органом — это национальная традиция, причём труба особенно популярна в этом качестве, потому что труба — инструмент больших динамических возможностей, она хорошо подходит для игры в соборах, так что в ансамбле с трубой орган может не стесняться — играть громко, как только он может. Если к нам присоединяется, например, флейта или скрипка, органу приходится сдерживаться, он не может использовать все свои регистры, рассчитанные на большие пространства. А вот труба и орган — это фантастическая комбинация!

— Есть ли специальные музыкальные произведения, написанные для такого ансамбля — труба и орган? Или вам приходится делать переложения?

— В нашем репертуаре есть и то, и другое. Оригинальные произведения для дуэта «орган плюс труба» — это в основном современная музыка. Классике приходится аранжировать, но для меня создание оригинальных аранжировок — это особая творческая возможность и большое удовольствие. Только благодаря собственным аранжировкам я могу полностью представить все возможности моего инструмента. Наш репертуар — не то, что можно просто купить в нотном магазине. Он очень индивидуален.

— Каковы ваши впечатления от Дягилевского фестиваля?

— Я вижу множество музыкантов, собравшихся из разных концов света. Они встречаются и играют вместе, иногда — впервые. Это создаёт особую фестивальную атмосферу. У нас концерты, концерты, концерты, мы очень интенсивно работаем с музыкантами, которых никогда не встречали раньше. Для каждого из нас это фантастическое приключение: новые друзья, новые возможности — и новые испытания. Для меня это особенный случай, потому что у меня появ-

вилась возможность поиграть вместе с коллегами из секции медных духовых оркестра MusicAeterna. Они попросили меня привезти мои аранжировки.

Это очень интересный проект. Вещи из моего репертуара непросты для исполнения: я делал аранжировки для German Brass, они рассчитаны на определённых музыкантов, которых я хорошо знаю. Вместе со мной приехал ещё один трубач из German Brass, а все трубачи в этом ансамбле — мои ученики или бывшие ученики, и у нас общие представления об игре на трубе, об интерпретации звука, общие музыкальные вкусы. Получается фантастическая ситуация, из тех, которые складываются очень редко, раз в несколько лет: мы играем вместе с моими учениками из разных стран и разных годов выпуска. Я очень благодарен за эту возможность.

— Что вы хотели бы сказать пермским слушателям?

— Пожалуйста, будьте как можно более открытыми, умеете удивляться. На нашем концерте мы играли музыку, которая написана не для духовых инструментов. Мы хотели удивить публику, показав, насколько широки возможности этих инструментов. Медные духовые — это могучая музыкальная сила, у нас огромные динамические возможности, мы с 10 инструментами можем играть в огромном зале так, что у публики будет впечатление, что играет огромный симфонический оркестр. Но мы умеем играть и музыку, нехарактерную для меди, — тонкие, тихие, нежные мелодии, написанные в оригинале для скрипок. Наши коллеги, играющие на струнных, утверждают, что это невозможно. Нет, возможно!